

**ШАРУАЛАР КӨТЕРІЛІСТЕРІ ЖӘНЕ ОҒАН
ҚАТЫСУШЫЛАРҒА ҚАТЫСТЫ ҚУҒЫН-СҮРГІН
КРЕСТЬЯНСКИЕ ВОССТАНИЯ И РЕПРЕССИИ
В ОТНОШЕНИИ ИХ УЧАСТНИКОВ
PEASANT UPRISINGS AND REPRESSIONS
AGAINST THEIR PARTICIPANTS**

МРНТИ 03.20

**ИСТОКИ И ПРИЧИНЫ НАРОДНЫХ
ВОССТАНИЙ И ПРОТЕСТОВ В 1929-1931 ГГ.:
КОНФИСКАЦИЯ И РАСКУЛАЧИВАНИЯ**

Мусағалиева Арайлым Сабитовна^{1*}

¹ Доктор исторических наук, профессор, ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, г. Нур-Султан, Казахстан, E-mail: arai0410@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1812-7152>

*Автор-корреспондент

Аннотация. В данной статье раскрываются истоки и причины народных восстаний и протестов в 1929-1931 гг. Особое внимание уделено предпосылкам восстаний и протестов, в том числе конфискации байских хозяйств в 1928 г., политике «ликвидации кулака как класса» или раскулачивания в Казахстане в начале 1930-х годов, а также разным хозяйственным кампаниям 1920-1930 годов, среди них хлебозаготовкам, мясозаготовкам или скотозаготовкам. В статье сделан историографический обзор, в котором были изучены труды советских, постсоветских, и зарубежных ученых-историков, а также опубликованные сборники документов Казахстана и России.

Ключевые слова. Советская власть, казахский бай, конфискация, коллективизация, восстание.

ХГТАР 03.20

**1929-1931 ЖЖ. ХАЛЫҚ КӨТЕРІЛІСТЕРІ ЖӘНЕ
НАРАЗЫЛЫҚТАРДЫҢ БАСТАУ КӨЗДЕРІ МЕН СЕБЕПТЕРІ:
ТӘРКІЛЕУ ЖӘНЕ КУЛАКСЫЗДАНДЫРУ**

Мұсағалиева Арайлым Сәбитқызы^{1*}

¹ Тарих ғылымдарының докторы, профессор, Л.Н. Гумилев, Нұр-Сұлтан, Қазақстан, E-mail: arai0410@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1812-7152>

*Автор-корреспондент

Түйіндеме. Аталған мақалада 1929-1931 жж. халық көтерілістері мен наразылықтардың себептері мен қайнар көздері ашылады. Негізгі назар көтерілістер мен наразылықтардың алғышарттары, оның ішінде 1928 жылғы бай шаруашылықтарын тәркілеу және 1930 жылдардың басындағы Қазақстандағы «кулақты тап ретінде жою» немесе кулаксыздандыру саясаты, сонымен қатар 1920-1930 жж., әртүрлі шаруашылық науқандарына, мәселен, ет дайындау, нан дайындау шараларына бөлінеді. Мақалада кеңестік, посткеңестік және шетелдік ғалым-тарихшылардың еңбектеріне, және Қазақстан мен Ресейде жарияланған құжаттар жинақтарына тарихнамалық шолу жасалынған.

Кілт сөздер: Кеңес өкіметі, қазақ байы, тәркілеу, ұжымдастыру, көтерілістер.

THE ORIGINS AND CAUSES OF POPULAR UPRISINGS AND PROTESTS IN 1929-1931: CONFISCATION AND DISPOSSESSION

Musagalieva Arailym Sabitovna¹

¹ Doctor of Historical Sciences, Professor, L.N. Gumilyov ENU, Nursultan, Kazakhstan, E-mail: arai0410@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1812-7152>

* Corresponding author

Annotation. This article reveals the origins and causes of popular uprisings and protests in 1929-1931. Particular attention was paid to the preconditions for uprisings and protests, including the confiscation of the bai economy in 1928, the policy of «liquidation of the fist as a class» or the dismantling of Kazakhstan in the early 1930s, as well as various 30-year-old, meat-packind. The article includes a historiographical review, which studied the work of Soviet, post-Soviet, and foreign scholars-historians, as well as published collections of documents from Kazakhstan and Russia.

Key words: Soviet power, Kazakh, wealth, confiscation, collectivization, uprising.

Введение. Массовые восстания и протесты в Казахстане начались после экономических преобразований, в том числе после конфискации, в период «ликвидации кулака как класса», седентаризации, люди проявляли открытое недовольство и сопротивлялись завышенным нормам по мясозаготовке, скотозаготовке и хлебозаготовке, то есть, восставали против разрушения традиционной системы казахского общества.

Главными причинами восстаний в Казахстане 1929-1931 гг. были хлебозаготовки и скотозаготовки Советской власти, так называемая ими, и отраженная в архивных документах, «хозяйственно-политическая кампания». План скотозаготовок на 1931-1932 гг. по Казахстану составил 255,5 тыс. т., то есть в 1,5 раза больше, чем по Украине, и в 2,5 раза больше, чем по Северо-Кавказскому и Западно-Сибирскому краям. Хотя скота в Казахстане действительно было много, такие планы были явно нереальными (Синицын, 2018: 98).

Но, до сих пор не подвергнуты тщательному изучению причины восстаний. Но, все же, есть и глубокие причины восстаний. Народ был настроен против классового подхода большевиков, он не принимал, насаждаемые повсеместно новой властью, безбожничество, запрет на религиозные суждения, кочевник видел как на его глазах разрушается жизнь, веками складывавшаяся, и проявлял открытое недовольство, противился силовому давлению и грубому произволу, силовой коллективации Советской власти.

Не соблюдалось – главное, для человека, для казаха-скотовода – право на собственный скот, его приумножение, он не мог тогда еще представить, что отнятое его имущество станет государственным, колхозным, будет общим, существовать отдельно, он понимал ясно только одно – что отнятая собственность, его скот, приведет к неминуемой гибели его семьи и многочисленных родственников, голодной смерти. Таким образом, новая власть отнимала у населения право на жизнь.

Но, существуют и другие мнения, восходящие к причинам истоков восстаний. 23 января 1930 г. прошло заседание тройки при Казкрайкоме ВКП(б) по вопросам подготовки и осуществления мероприятий по ликвидации кулака как класса в Казахстане (Омарбеков, 2011: 55). 11 февраля 1930 г. вышло решение Казкрайкома ВКП(б) «Постановление ЦК ВКП (б) от 30 января 1930 г. о ликвидации кулачества как класса». В документе утверждены районы сплошной коллективизации, в которых в ближайшее время будет проводиться практическая работа по ликвидации кулачества: Петропавловский, Уральский, Кустанайский, Павлодарский, Актюбинский, Сыр-Дарьинский округа (Заключения, 1992). В связи с этим, в «Докладной записке Особого отдела ОГПУ о проведении операции по изъятию и выселению кулачества» от 17 ноября 1930 г. этот процесс показан как усиление контрреволюционной деятельности кулачества (Советская деревня, 2000: 520-521), где упоминаются Сузакское (2 000 участников), Иргизское (2 500 участников), Кызыл-Ординское восстание (4 500 участников), как кулацко-повстанческие восстания Советского Союза, имели «чрезвычайно серьезный характер». Конечно, не можем исключить, и этот фактор.

В статье предпринята попытка всецело раскрыть эти истоки и причины народных восстаний и протестов 1929-1931 г.

Материалы и методы. Методологической основой исследования являются принципы историзма, научной объективности, системности. Использован метод системного анализа, позволяющий рассматривать разрушение традиционной системы казахского общества и становления силовой модернизации Казахстана.

Обсуждение. Конфискация казахских баев хорошо исследована в советской историографии. Особенно, после 1960-х годов были написаны фундаментальные труды по теме в свете социально-экономических проблем 1920-1930 гг. или ликвидация кулачества, оседания кочевых и полукочевых хозяйств.

Одним из ведущих специалистов по данной теме в советской историографии является Н.А. Ивницкий (Ивницкий, 1972: 180). В его монографии «Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса (1929-1932 гг.)» на основе множества архивных документов исследуется проблема ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации. В том числе, основные этапы, формы и методы ликвидации кулачества в СССР. Безусловно, в книге, обсуждая центрально-азиатские национальные государства, было уделено внимание конфискации казахских баев-полуфеодалов.

В советской казахстанской историографии этой темой занимался известный ученый Г.В. Дахшлейгер. В его монографиях «Социально-экономические преобразования в ауле и деревне Казахстана (1921-1929 гг.)», «К характеристике социально-экономических отношений в казахском ауле (1921-1928 гг.)» (Дахшлейгер, 1965: 536; Дахшлейгер, 1961: 56) были показаны социально-экономические изменения в казахском обществе после окончательного установления Советской власти, начало колхозного движения, в

этом свете конфискация имущества крупных баев-полуфеодалов, оседания казахских кочевых и полукочевых хозяйств и др. социально-экономические реформы. В последующие годы его книга «История крестьянства Советского Казахстана» был издан в соавторстве с К. Нурпеисовым (Дахшлейгер, 1985). А также, есть монография К. Атабаева «Классовая борьба и ликвидация кулачества и байства как класса в Казахстане в годы коллективизации (1929-1934 гг.)» (Атабаев, 1981).

После распада Советского Союза казахстанские историки произвели новую концепцию по этой теме. 12 ноября 1991 года была создана специальная комиссия в которую вошли видные ученые, общественные деятели и руководители правоохранительных органов. Комиссия работала до ноября 1992 года. 12 ноября 1992 года было принято «ЗаклЮчение комиссии Президиума Верховного Совета Республики Казахстан по изучению нормативных правовых актов приведших к голоду во время коллективизации» (ЗаклЮчение, 1992). 7 декабря 1992 года вышло Постановление Президиума Верховного Совета «О выводах и предложениях Комиссии Президиума Верховного Совета Республики Казахстан по изучению постановлений КазЦИК и СНК КАССР от 27 августа 1928 года «О конфискации байских хозяйств», от 13 сентября 1928 года «Об уголовной ответственности за противодействие конфискации и выселению крупнейшего и полуфеодалного байства» и от 19 февраля 1930 года «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством и байством» (НБ РК, 98: 89-90).

Одним из первых научных трудов была книга Абылхожина Ж.Б. «Традиционная структура Казахстана», изданная в 1991 г., затем дополненная и переизданная в другую монографию (Абылхожин, 1991: 240; Абылхожин, 1997: 360; Абылхожин, 2007: 112-132). Некоторые данные этой книги легли в основу труда М.К. Козыбаева, К.С. Алдажуманова, Ж.Б. Абылхожина на тему: «Коллективизация в Казахстане: трагедия крестьянства» в 1992 году (Козыбаев, 1992). В этой книге отмечают: «К сожалению, масштабы раскулачивания в Казахстане пока не поддаются точной оценке, так как репрезентативность (мера представительности) выявленных материалов еще не вызывает удовлетворения. На сегодня, историография располагает лишь фрагментарными сведениями на этот счет. Тем не менее данные позволяют констатировать беспрецедентную массовость этой трагедии» (Козыбаев, 1992: 10). Эта фраза вошла в казахстанскую историографию как основная цитата для учета численности жертв конфискации. В этой книге используются источники «Материалы к отчету Казахского Краевого Комитета ВКП(б) VII Всеказахстанской партконференции. Алма-Ата: Казкрайком ВКП(б), 1930. 72 с. с. 68» или «Весь Казахстан. Алма-Ата, 1931». А также, выкладки М.Ж. Хасанаева, сообщенных им на региональных дискуссиях по проблемам истории коллективизации в республиках Средней Азии и Казахстана. Надо отметить, тогда эти документы были сенсационными для создания новой концепции о конфискации баев и кулаков.

В конце 1990-х годов появились первые фундаментальные монографии Т.О. Омарбекова «20-30 жылдардағы Қазақстан қасіреті» (Омарбеков, 1997:

320). В книге Т.Омарбекова есть глава «Наступление собственников в Казахстане: ошибки и преувеличение», в том числе подглавы «Конфискация крупных баев и ее последствия» и «Ликвидация зажиточных крестьян как класса». Есть в книге документы Архива Президента РК, Центрального государственного архива РК. В первой подглаве он обращает наше внимание на работу Центральной комиссии по конфискации имущества и выселению баев-полуфеодалов при Центральном исполнительном комитете Казахской ССР. В том числе, на жалобы, заявления и просьбы, поступивших от конфискованных баев из региона. Обсуждает мероприятия после постановления «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» Политбюро ЦК ВКП (б) 30 января 1930 г. Автор отмечает, что в Казахстане шла ликвидация зажиточных крестьян как класса, а также середняков.

А также, в конце 1990-х годов были защищены кандидатские диссертации (Жакишева, 1996: 30). В целом, казахстанские историки основные свои труды написали в 1990 – в начале 2000 годов. Постепенно, в казахстанской историографии интерес к данной теме ослаб.

С 2000 годов к этой теме обратились зарубежные и российские историки. Конечно, их главная цель была тема массового голода 1932-1933 гг., но в контексте этой обсуждались и другие, связанные с этой темой, вопросы истории этого периода.

В первую очередь, можем назвать монографию известного французского историка И.Огайон. Она исследовала социально-экономические проблемы 1920-1930 гг. В книге «Седентаризация казахов СССР при Сталине. Коллективизации и социальные изменения (1928-1945)» (Огайон, 2009: 131) первые две главы посвящены проблеме байства – «дебаизации», или тождественности баев и определению их для политических чисток и действующие силы и процедуры конфискации и установление системы репрессивных мер в ауле. В этих главах она ясно и без прикрас описывает историю казахского общества перед коллективизацией.

Немецкий историк Роберт Киндлер в своей работе «Сталинские кочевники: власть и голод в Казахстане» исследует кампанию перевода кочевников на оседлость в контексте советской истории 1920-30-х годов (Киндлер, 2018).

Российские историки, в том числе А. Грозин (Грозин, 2014: 178), А.П. Козлов и Ф. Синыцин исследовали социально-экономические проблемы казахской степи 1920-1930 гг. (Козлов, 2012; Козлов, 2013; Синыцин, 2019). По мнению А.П. Козлова, в Казахстане, как и в стране в целом, главным инструментом раскулачивания были судебные репрессии, а само раскулачивание обуславливалось, прежде всего, экономическими причинами – необходимостью формирования материальной базы колхозов (Козлов, 2019). Среди российских историков новый концептуальный подход к теме подан в книге историка Ф.Синицына. В его работе хорошо претставлено отношение тогдашнего руководства республики и Советской власти к казахским баям и обществу. Так он объясняет причину конфискации имущества баев: «В течение первой

пятилетки (1928-1932 гг.) планировалось переселить в Казахстан 500 тысяч человек (более 90-95 тыс. хозяйств). Общий размах грядущего переселения определялось в 1,2-1,5 млн. человек (300 тыс. хозяйств). Для размещения будущих переселенцев требовались значительные земельные площади, занятые кочевниками. Они должны были высвободиться в результате их оседания (планировалось, что размеры «освобожденной» для переселенцев земли будут достигать 60-70 млн га). С целью лишения баев их привилегий в землепользовании в 1926-1927 гг. в Казахстане был осуществлен передел пахотных и сенокосных угодий. Это было первым шагом по подрыву экономического положения родовой верхушки казахского общества» (Синьшин, 2019: 76). В его книге хорошо описаны преступления Советской власти против кочевых народов, в том числе казахов. В монографии уделено внимание краху форсированной модернизации власти в 1930-х годах.

Но, в свете опубликованных (но, не введенных в научных оборот) и неопубликованных новых источников тема остается актуальной. С 1999 г. российские архивисты, историки совместно с зарубежными учеными стали опубликовывать советские документы по истории советской деревни, преимущественно из ранее недоступных архивов высших органов партийно-государственного руководства – ЦК ВКП(б), его Политбюро, Оргбюро и Секретариата, ЦИК и СНК РСФСР, ОГПУ, различных наркоматов, Верховного суда и Прокуратуры, Политуправления армий и др. организаций. Главное из них, многотомник «Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939» в 5-ти томах. Государственное насилие, сопровождавшее «чрезвычайные хлебозаготовки» и «наступление на кулачество» не могло не вызвать сопротивления и протеста со стороны крестьянства, документальное отражение которых занимает большое место в этом сборнике (Трагедия советской деревни, 1999: 34). «Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918-1939 гг.» в четырех томах, которые являются фундаментальным изданием по истории советской деревни. По мнению составителя четырехтомной документальной публикации, «сводки ВЧК-ОГПУ-НКВД по существу, это единственный в своем роде источник, который предназначен для повседневной регистрации всего происходящего в жизни населения огромной страны, его настроений и движений, прежде всего политических, но с существенным и нарастающим дополнением информации из экономической и культурной жизни. В конечном счете оказалось, что информационный материал спецслужб был призван воссоздавать наиболее полную картину как положения в стране в целом, так и в территориальном, и во временном отношении. И лишь массовые источники в их совокупности дают такую картину» (Советская деревня, 2000: 35).

В Казахстане были изданы 2 тома сборника документов под названием «Трагедия казахского аула 1928-1934 гг.» (Трагедия казахского аула, 2013: 743), подготовленные архивистами центральных архивов Казахстана. В них представлены документы, касающиеся конфискации имущества баев 1928 г., ликвидации байства 1930-1931 гг. Безусловно, в сборнике документов со-
держатся важные документы, но они составляют лишь малую часть круп-

ных фондов Архива Президента РК и Центрального государственного архива РК. Как пишут, сами авторы в данном издании представлены документы центральных государственных архивов Республики Казахстан, характеризующие начальный период трагедии казахского аула. Публикуются документы о положении Казахстана в период свертывания НЭПа, усиления административного нажима в области заготовок, налогообложения и пр.

Результаты исследования. Итак, как все начиналось. Конфискация хозяйств и имущества были закреплены в советских законах и Уголовном Кодексе, принятые 31 октября 1924 г. Основные начала уголовного законодательства СССР и союзных республик среди прочих принудительных мер закрепляли конфискацию имущества (Основные начала, 2011: 199-127; Пропустин, 2011: 264). Постановлением ЦИК и СНК СССР от 15 июня 1927 г. «Об ограничении конфискации по суду» в ст. 25 Основных начал уголовного законодательства были внесены изменения. С этого момента конфискация определялась как принудительное безвозмездное отчуждение в пользу государства всего или точно определенной судом части имущества осужденного (ст. 25). (Пропустин, 2011: 23). Таким образом, в Советском Союзе уничтожение частной собственности, конфискация имущества закреплено законодательными актами.

Насильственную коллективизацию Советского Союза канадский историк Л. Виола описывает так: «Насильственная коллективизация была попыткой большевиков, правивших от имени пролетариата, составлявшего в аграрной России меньшинство, практически покончить с крестьянством, лишив его независимости и превратив в сельский пролетариат» (Виола, 2010: 25). Такая практика также была приемлема для кочевого общества.

В Казахстане таковыми были казахские баи. О них написали в свое время советские историки. Известный историк Г.Ф. Дахшлейгер в своей работе пишет «Бай в казахском ауле был сильнее кулака в русской деревне, пользовался большим влиянием. Сила его состояла в том, что он использовал не только свое экономическое превосходство, но и пережиточные патриархально-феодалные и родовые институты, маскировавшие факт эксплуатации» (Дахшлейгер, 1961: 34). Или как написано, в обзоре Казкрайкома ВКП(б) о социально-экономическом и политическом положении республики: «Благодаря своей экономической мощи, сохранившимся родовым отношениям, баи фактически пока руководят аульной жизнью, большинство земельных, имущественных и других хозяйственно-бытовых дел разрешается ими» (Трагедия казахского аула, 2013: 23).

Казахский бай был центральной фигурой, занимал ключевую позицию казахского общества, вокруг которого группировались остальные члены общества, он был своеобразным средоточием всего уклада жизни кочевников. Советская власть понимала, что без разрушения этой устоявшейся многовековой системы, управлять степными казахами невозможно. В казахском обществе конфискация имущества баев, их выселение, и последовавшая за ней коллективизация постепенно привели к трагедии колоссального масштаба. Новая реформа, направленная против крупных баев-полуфеодалов,

была началом разрушения традиционной системы казахов, которая и привела к последующему голоду в Казахстане. Уничтожение института байства привело к разрушению традиционного общества.

Французский историк Изабелла Огайон ввела новый термин «дебаизация», описывая эти периоды казахской истории. Не можем не согласиться с ней, так как для Советской власти было главным разрушить кочевничество, и это они смогли сделать уничтожив главную ячейку кочевого общества – байство.

Советская власть стремилась перевести казахское скотоводческое хозяйство по примеру хозяйства русских крестьян, но для этого необходимо было осесть кочевым и полукочевым хозяйствам казахов. Насильственное оседание было возможно при обезглавливании ключевых, очень влиятельных фигур существовавшей системы. Новая пришедшая власть пошла на этот беспрецедентный шаг. Она стала проводить конфискацию имущества крупных бай-полуфеодалов в казахском обществе.

Как объясняет это советский историк Г.Ф. Дахшлейгер: «Докладная Казахского Крайкома партии в ЦК ВКП (б) по поводу конфискации хозяйств крупных баев-полуфеодалов отмечала, что во многих аулах произошло «окрестьянивание» аульного населения и «сложилось казахское земледельческое хозяйство русских крестьян». Этим новым и получавшим все большее распространение социальным и хозяйственным явлениям мешал факт существования прослойки крупных баев-полуфеодалов» (Дахшлейгер, 1966: 3-23). Этом процесс хорошо исследовал российский историк Ф.Л. Синицын: «в декабре 1927 г. СНК Казахстана поручил местному Госплану проработать вопрос о создании «культурного аула» для кочевников, что и было сделано в виде разработки концепции «нового казахского аула», созданной по примеру европейских населенных пунктов. В рамках второй земельной реформы, проведенной в 1927-1928 гг. в Средней Азии и Казахстане, было предусмотрено формирование хуторского расселения. Для создаваемых «средняцких» индивидуальных хозяйств выделялись участки площадью от 40 до 70 га, на которых предполагалось одновременно заниматься земледелием и скотоводством (без дальних откочевок)» (Синицын, 2019: 58). Такой подход был разрушителен состоявшемуся веками родо-племенному строю казахов.

Уже 14 марта 1928 г. вышло Постановление Президиума Всероссийского ЦИК о лишении права на землепользование и проживание в местах постоянного жительства крупных баев и скотопромышленников с семьями и конфискации их имущества. В Постановлении написаны, «некоторые отсталые национальные окраины РСФСР, как Казахстан, не прошли тех этапов революционного развития, которые пережили центральные губернии РСФСР, поэтому в этих окраинах революция слабо затронула старые до-революционные взаимоотношения, оставив в полной мере экономическое и в значительной степени, политическое господство сильных родов и баев (Дахшлейгер, 1961: 345). Лишили права на землепользование и проживание в местах постоянного жительства не только крупных баев и скотопромыш-

ленников, но и привилегированных ранее сословий и групп, в том числе султанов, ханов, волостных управителей, представителей духовенства и др. После этого, сразу же, 15 мая 1928 г. Казкрайком ВКП(б) отправил ЦК ВКП(б) докладную записку «О конфискации средств и орудий производства у крупных байских хозяйств и лиц их бывших привилегированных сословий и родовых групп» (Дахшлейгер, 1961: 347). Таким образом, начались предварительные мероприятия для осуществления конфискации хозяйств крупных баев.

9 августа 1928 г. вышло постановление ЦК ВКП(б) о конфискации хозяйств и высылки наиболее крупных скотоводов. В нем пишется, «предложить Казкрайкому закончить не позднее 1 сентября негласный учет наиболее крупных скотоводов из коренного населения, своим имущественным и общественным влиянием препятствующих советизации аула, согласно признакам, предусмотренным постановлением ВЦИК, и произвести отбор наиболее злостных из них в количестве, не превышающем 700 хозяйств» (Дахшлейгер, 1961: 361). Как видим, центральную власть сильно волновала не только байство, но и их общественное влияние в местах проживания.

27 августа 1928 г. ЦИК КазАССР принял решение о конфискации хозяйств крупных баев-полуфеодалов, «тех наиболее крупных скотоводов из коренного населения, которые, сохраняя полуфеодалские, патриархальные и родовые отношения, своим имущественным и общественным влиянием препятствуют советизации аула». Уже 10 сентября 1928 года вышло Постановление ЦИК и СНК КазССР «Об уголовной ответственности за противодействие конфискации и выселению крупнейшего и полуфеодалского байства» (Советская степь, 1928). В Постановлении указано, за неподчинение постановлению от 27 августа 1928 года о конфискации и выселении, за сопротивление и за организацию сопротивления конфискации и выселению – немедленно подвергать баев, лиц бывших привилегированных сословий и других, виновных в этом лиц, строгой уголовной ответственности и высылке за пределы Казахстана.

Надо обратить внимание на категории баев, подпавших под конфискации: а) волоуправителей, потомков ханов, дат и др. – 245, б) аткаминеров, аксакалов и биев (бывшие судьи) – 76, в) мулл, ишанов и др. – 8, г) бывших алашордынцев и чиновников – 44. Из общего количества выселяемых – 75 баев высланы за пределы Казахстана, из них: а) бывшие волоуправители, ханы, аткаминеры и проч. – 46, б) бывш. алашордынцы и чиновники и чиновники полиции – 10, в) муллы, ишаны, бии – 9, прочий контрреволюционный элемент – 8 (Дахшлейгер, 1961: 669). Но среди прочих, находились люди, которые никак не подходили под эти категории люди, которые, никак не относились к ним и не подходили по своим параметрам. Но для Советской власти важным было их занимаемое положение в обществе.

Например, известный общественно-политический деятель, сын Абая Кунанбаева – Турагул Ибрагимов. 9 октября 1928 года из Семипалатинска было отправлено телеграфное сообщение о ходе конфискации. В нем сообщалось о том, что беднота требует включения Турагула Ибрагимова (сына

Абая Кунанбаева) в список крупных баев. Как мы знаем, по 1 статье Декрета выселению подлежали имеющие более 300 голов скота. У Турагула Ибрагимова было конфисковано только 36 голов (Трагедия казахского аула, 2013: 691).

Согласно документальным материалам, об итогах кампании, фактической конфискации было подвергнуто 696 хозяйств, из них 619 были выселены за пределы округа проживания. У них было экспроприровано 145 тыс. голов скота (в переводе на крупный). Около 114 тысяч голов скота перераспределялось между колхозами (29 тыс. или 26 %) и бедняцко-батрацкими хозяйствами (85 тыс. голов или 74 %). Кроме скота, было экспроприровано 633 юрты, 475 домов, 44 амбара, 534 другие надворные постройки, 108 плугов, 113 борон, 248 сенокосилок, 1 367 бричек и т.д. (Заключение, 1992). По данным Г. Дахшлейгера, на основе закона о конфискации было конфисковано около 700 хозяйств, у них отобрано было около 145 тыс. голов скота (Дахшлейгер, 1961: 38). Официально, работа по конфискации имущества баев закончилась в 24 ноября 1928 г.

Сильнейший удар по крестьянству нанесла кампания по заготовке сельхозпродукции и силовая налоговая политика. Кроме того, следует иметь в виду, что в процессе заготовок практически уже осуществлялось «раскулачивание». По методам проведения хлебозаготовительные кампании вылились в форму прямых экспроприаций. Для прикрытия откровенно неправового характера предпринимаемых акций власти распространили действие статьи 107 УК РСФСР, определив уголовное наказание за «злостное повышение цен на товары, сокрытие или не выпуск таковых на рынок», и ст.61 УК РСФСР, предполагавшей уголовную ответственность за «отказ от выполнения повинностей, имеющих общегосударственное значение» (Заключение, 1992: 3).

В книге М.К. Козыбаева, Ж.Б. Абылхожина, К.С. Алдажуманова «Коллективизация в Казахстане: трагедия и крестьянство» имеются следующие данные. Своего рода предтечей обрушившихся на крестьянство репрессий стали сельскохозяйственные заготовки. О масштабах его можно судить хотя бы по тому факту, что в течение только двух хлебозаготовительных кампаний (1928-1929 гг. и 1929-1930 гг.) и только по трем округам (Акмолинскому, Петропавловскому и Семипалатинскому) в результате применения 107-й и 61-й статей УК РСФСР были осуждены 34 120 человек и привлечены к административной ответственности 22 307 хозяйств (более половины были обозначены как кулацкие). Кроме того, было взыскано штрафов и изъято имущества более чем на 23 млн. рублей, конфисковано скота – 53,4 тысяч голов, хлебных запасов – 631 тысяч пудов, различных строений – 258 единиц. Показательно, что даже по официальным показаниям в общей массе судебно и административно привлеченных, кулацкие хозяйства составляли несколько больше половины. Во второй половине 1931 г. по делам, связанным с заготовками, было расстреляно 79 человек (Козыбаев, 1992).

Немецкий историк Роберт Киндлер подчеркивает, что зимой 1929-1930 гг. в советской деревне разверзся ад. Кулаков «ликвидировали», ре-

сурсы экспроприировали, крестьян и кочевников загоняли в колхозы. Далее он пишет, «хлебозаготовки и коллективизация означали войну с крестьянством, а в Казахстане заодно и войну с кочевниками, чья оседлость стояла теперь на повестке дня» (Киндлер, 2018: 134).

Теперь приведем факты из материалов к докладу секретаря Казкрайкома ВКП(б) на VII Казахстанской краевой конференции ВКП(б) об экономической борьбе с кулачеством (Трагедия казахского аула, 2018: 109).

Хлебозаготовительная кампания 1928-1929 г.	а) привлечено – 8 936 хозяйств
	б) присуждено штрафов – 4 721 474 руб
	в) конфисковано имущества на сумму – 1 230 013 руб
	г) конфисковано хлеба – 540 035 пудов
	д) скота – 4 563 голов
	е) предприятий и строений – 55
	ж) в административном порядке привлечено – 3 128 хозяйств
	з) на сумму – 1 225 583 руб. штрафов или 386 рублей на хозяйства
Хлебозаготовительная кампания 1929-1930 г.	а) подвергнуто административным взысканиям – 19 239 чел.
	б) осуждено по суду – 14 056 чел., в том числе кулаков – 6 485 чел., зажиточных – 4 108 чел., середняков – 1 841 чел., бедняков – 575 чел., прочих – 1 069 чел.
	в) взыскано штрафов – 13 208 699 руб.
	г) конфисковано хлеба – 82 799 пуд.
За террористические акты	1) привлечено – 113: кулаков – 63, зажиточных – 29, середняков – 19, бедняков – 10, прочих – 1; за контрреволюционную агитацию (по 7 округам): осуждено – 290, из них кулаков – 91, зажиточных – 67, середняков – 107, бедняков – 57, прочих – 18 чел.

До массовой депортации кулачества в 1929 г. был проведен ряд депортаций, таких как депортация казахских баев, у которых отобрали скот и отправили поздней осенью 1929 г. через Северный Казахстан на Урал семей (История сталинского ГУЛАГа, 2004: 10). Впоследствии к ним разрешили присоединиться и членам их.

Как отмечает французский историк И.Огайон, кампания по раскулачиванию началась в декабре 1929 г. Решающим фактором для ареста кулаков – оседлых, кочевых и полукочевых крестьян, было использование наемных рабочих в личном хозяйстве. В кочевых и полукочевых аулах работники, традиционно находившиеся в родственных отношениях с хозяином кочевья, обычно выполняли работу пастухов или прислуги. Согласно данным Ста-

туправления, эта категория сельскохозяйственных сезонных трудящихся в 1927 г. в Казахстане составляла 126 000 человек (Огайон, 2009: 131).

30 января 1930 г. Политбюро ЦК ВКП (б) приняло постановление «О мероприятиях ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации». В Постановлении приведено распределение заключаемых в лагеря и подлежащих высылке, в том числе в Казахстан: в концлагерь – 5-6 тысяч человек, в высылку – 10-15 тысяч человек (Заклучение, 1992). Постановление явилось практическим оформлением провозглашенной в конце 1929 – начале 1930 г. политики ликвидации кулачества как класса на базе сплошной коллективизации. Таким образом, в январе – первых числах февраля 1930 г. была разработана целая система мероприятий по осуществлению политики ликвидации кулачества как класса (Ивницкий, 1972: 180).

23 января 1930 г. на заседании тройки при Казкрайкоме ВКП(б) по вопросам подготовки и осуществления мероприятий по ликвидации кулака как класса в Казахстане. Приняли постановление, что провести выселение с расселением внутри Казахстана из районов сплошной коллективизации ориентировочно 20 тысяч кулацких хозяйств (целиком Петропавловский и Кустанайский округа и отдельные районы, перешедшие на сплошную коллективизацию остальных округов) (Омарбеков, 2011). 11 февраля вышло решение Казкрайкома ВКП(б) «Постановление ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 г. о ликвидации кулачества как класса». В документе утверждены районы сплошной коллективизации, в которых в ближайшее время будет проводиться практическая работа по ликвидации кулачества: Петропавловский, Уральский, Кустанайский, Палодарский, Актюбинский, Сыр-Дарьинский округа (Заклучение, 1992). 20 февраля 1930 г. вышло Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О коллективизации и борьбе с кулачеством в национальных экономически отсталых районах» (Трагедия советской деревни, 1999: 255). Настоящее постановление велели распространить на следующие национальные республики: Грузия, Армения, Азербайджан, Дагестан, Узбекистан, Туркменистан, Киргизстан, Бурято-Монголия, Казахстан и Якутия.

Итак, кампанию по раскулачиванию Р. Киндлер дает следующее определение: «Кампанию раскулачивания можно истолковать как попытку советского государства разделить сельское население на две группы: подавляющее большинство тех, кто в будущем станет жить и трудиться в колхозах, и меньшинство кулаков и их мусульманского аналога – баев – которых большевики считали противниками своего строя. С последними, как гласили постановления сталинского партийного руководства «о ликвидации кулачества как класса», надлежало бороться посредством экспроприации и арестов, высылки целыми семьями и расстрела самых непокорных (Киндлер, 2018: 134).

По секретным данным Казкрайкома ВКП (б) и ОГПУ, лишь до 15 декабря 1929 года подвергнуто различным репрессиям по линии хлебозаготовок 30 800 человек. А с первого октября 1928 по первое декабря 1929 по судебной линии было присуждено к расстрелу 125 человек. А по линии ГПУ за этот период репрессированы 326 человек, из которых расстреляно – 152 (Огайон, 2009: 13).

Итак, 18 февраля 1930 г. прошло заседание комиссии при Казкрайкоме ВКП(б) по подготовке мероприятий к осуществлению ликвидации кулака и бая как класса. 5 марта 1930 г. секретарь Казкрайкома ВКП(б) Ф.И. Голощекин написал письмо секретарю ЦК ВКП(б) И.А. Сталину о политико-экономическом состоянии. Дальше приведены следующие данные: «К этому надо добавить, что к декабрю месяцу у нас скопилось по хлебозаготовительным делам 13 000 человек, что превысило вместимость наших тюрем в 4 раза. В качестве выхода из этого положения мы решили 4 500 чел. из тюрем переправить в другие округа для использования их на лесоразработках» (Заключение, 1992).

По данным справки Комиссии Казкрайкома ВКП(б) об утверждении количества репрессируемых байско-кулацких хозяйств от 10 апреля 1930 г. написаны следующие сведения. По первой категории: арестованных – 7 397 человек; по второй категории: утверждены к выселению – 2 450 хозяйств, из них 1 257 хозяйств или 7 105 человек выселены; по третьей категории: производилось переселение внутри округов из районов сплошной коллективизации, в том числе намечены к выселению – 2 242 хозяйства, выселено – 521 хозяйство (Заклучение, 1992).

15 февраля 1930 г. вышло Постановление ЦИК и СНК КАССР «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством и байством». Через месяц после принятия постановления было арестовано и предано суду 3 113 человек, а 2 450 хозяйств подлежало выселению за пределы округа проживания. По данным же Отдела по спецпереселенцам ГУЛАГа ОГПУ в 1930-1931 гг. численность крестьян, отправленных в «кулацкую ссылку», достигла в Казахстане 6 765 человек. В основном они расселялись за пределами округа проживания, но в границах Казахстана (это касалось, однако, только членов семей, их же главы были либо арестованы, либо сосланы на Кольский полуостров и Колыму) (Козыбаев, 1992: 10-11).

По данным Отдела по спецпереселенцам ГУЛАГа ОГПУ численность крестьян, отправленных из Казахстана в «кулацкую ссылку»: 1930-1931 гг. – 6 765 человек. Однако эта цифра, по-видимому, требует уточнения, поскольку другие источники сообщают, что с января по середину марта 1930 г. за пределы края было выселено 5 563 человека, а в 1931 г. – 5 500 (кроме того, 7 763 человека переселены внутри республики) (Советская деревня, 2000). Но, мы знаем, «кулацко-байские» депортации продолжались даже весной 1932 г., и это обстоятельство также вносит определенные коррективы

В последующие годы репрессии против байства и кулачества не закончились. В отчетном докладе за 1933 г. они, словно речь идет о поголовье скота, отмечают: «...уменьшение количества приговоренных к расстрелу в период с 5 мая по 1 августа 1933 г. на 44,5% (с 305 до 163 человек) нельзя признать нормальным». Тут же запоздало констатируется, что по спецпереселенцам ГУЛАГа ОГПУ в 1930-1931 «на 163 осужденных к расстрелу только 18 классочуждых элементов» (последняя фраза ясно дает понять что социальная принадлежность могла служить «оправдательным» основанием

для лишения человека жизни)» (Козыбаев, 1992: 8). По информации французского историка И.Огайон, генеральный план депортации, разработанный ОГПУ в мае 1930 г., предусматривал, например, для Казахстана только внутреннее переселение от 10 000 до 15 000 кулацких семей второй категории (Огайон, 2009: 135). В трудах известного историка Таласа Омарбекова написано, в ходе насильственной коллективизации, конфискации и раскулачивания еще больше усилилась репрессия в отношении крестьян. В целом, по подсчетам, в период названных социально-политических кампаний численность репрессированных крестьян республики составляла более 165 000 человек (Омарбеков, 2011: 13-14).

Думаем, причина таких разных пересчетов численности жертв конфискации и раскулачивания 1930-х годов – нет комплексного исследования данной темы и многие документы казахстанских архивов (даже рассекреченных) еще не введены в научный оборот.

Таким образом, все это привело к массовым восстаниям и протестам. Как сказал, российский историк Ф. Сеницын, «кочевники не оставались безучастными к тем методам форсирования обоседления и коллективизации, которые применяли по отношению к ним власти», или «наиболее сильная реакция кочевой цивилизации на действия властей проявилась в восстаниях» (Сеницын, 2018: 133).

По данным Госплана Казахстана, в 1928 г. 23 тыс. из 567 тыс. кочевых и полукочевых хозяйств (то есть 4%) были байскими. Однако историк Ф.Синицын привел другие данные – в 1928-1929 гг. после конфискации «верхушки» кочевого общества в республике осталось 55-60 тыс. байско-кулацких хозяйств (возможно, эти цифры включают в себя не только кочевые, но и земельные хозяйства). В 1930-1931 гг. из их числа было ликвидировано 40 тыс. хозяйств, а остальные прекратили свое существование в ходе дальнейшей коллективизации (Синицын, 2019: 78). Таким образом, пошло резкое сокращение скота, если в 1929 г. в Казахстане было 40 млн 294 тыс скота, в 1932 г. осталось 5 млн 526 тыс скота (Трагедия советской деревни, 2001: 811). В итоге, разрушилась традиционная структура казахского общества и многовековая кочевая цивилизация.

Благодарности. Статья подготовлена в рамках реализации проекта OR 11465470 «Массовые политические репрессии в Казахстане в 20-50-х гг. XX в. и процессы реабилитации: создание единой базы данных» при финансовой поддержке Министерства образования и науки Республики Казахстан.

Список литературы и источников:

Абылхожин Ж.Б. Традиционная структура Казахстана. Социально-экономические аспекты функционирования и трансформации (1920-1930 гг.). Алма-Ата: «Ғылым», 1991. 240 с.

Абылхожин Ж.Б. Очерки социально-экономической истории Казахстана. XX век. Алматы: Туран, 1997. 360 с.

Абылхожин Ж.Б. Сталинизм и номадизм: к вопросу о силовой политике сепаратизации в Казахстане 1920-х-начале 1930-х годов // Феномен кочевничества в

истории Евразии. Номадизм и развитие государства. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. С. 112-132

Атабаев К. Классовая борьба и ликвидация кулачества и байства как класса в Казахстане в годы коллективизации (1929-1934 гг.). Алма-Ата, 1981. 201 с.

Виола Л. Крестьянский бунт в эпоху Сталина. Коллективизация и культура крестьянского сопротивления. Москва: РОССПЭН, 2010. 367 с.

Грозин А. В. Голод 1932–1933 годов и политика памяти в Республике Казахстан / Институт востоковедения РАН. Москва: ИВ РАН, 2014. 178 с.

Дахшлейгер Г.В. К характеристике социально-экономических отношений в казахском ауле (1921-1928 гг.). Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. 56 с.

Дахшлейгер Г.В. Социально-экономические преобразования в ауле и деревне Казахстана (1921-1929 гг.). Алма-Ата: Наука, 1965. 536 с.

Дахшлейгер Г.Ф. Из опыта истории оседания казахских кочевых и полукочевых хозяйств // Советская этнография. 1966. № 4. С.3-23

Дахшлейгер Г.В., Нурпеисов К. История крестьянства Советского Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1985. Т.1. 247 с.

Заключения комиссии Президиума Верховного Совета Республики Казахстан по изучению нормативных правовых актов, приведших к голоду во время коллективизации // Казахстанская правда. 1992. 22 декабря

Ивницкий Н.А. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса (1929-1932 гг.). Москва: Наука, 1972. 361 с.

История Казахстана: народы и культуры: Учебное пособие / Масанов И.Э и др. Алматы: Дайк-Пресс, 2000. 608 с.

История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х - первая половина 1950-х годов. Собрание документов в 7 томах. Том 5. Спецпереселенцы в СССР. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 824 с.

Киндлер Р. Сталинские кочевники: Власть и голод в Казахстане. М., 2018. 382 с.

Козыбаев М.К., Алдажуманов К.С., Абылхожин Ж.Б. Коллективизация в Казахстане: трагедия крестьянства. Алма-Ата, 1992. 35 с.

Козлов А.П. Демографический кризис в Казахстане 1932-1933 гг.: уроки истории и вызовы современности // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). №11 (19). 2012.

Козлов А.П. Хлебозаготовительный кризис 1927/29 г. в Казахстане и его последствия // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота, 2013. № 7 (33): в 2-х ч. Ч. II. С. 56-60.

Козлов А.П. Раскулачивание в Казахстане: специфика, последствия (1928-1933 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 5 (43): в 3-х ч. Ч. I. С. 109-113.

Национальный архив РК. Ф.2. Оп.1.Д.98. Л.89-90

Огайон И. Седентаризация казахов СССР при Сталине. Коллективизация и социальные изменения (1928-1945 гг.). (Перевод с франц. А.Т. Ракишева). Сост. Б.М. Сужиков. Алматы: «Санат», 2009. 368 с.

Омарбеков Т. Голодомор в Казахстане: причины, масштабы и итоги (1930-1933 гг.). Хрестоматия. Алматы: «Қазақ университеті», 2011. 203 с.

Омарбеков Т. 20-30 жылдардағы Қазақстан қасіреті. Алматы: Санат, 1997. 320 б.

Основные начала уголовного законодательства СССР и союзных республик: Постановление ЦИК СССР 31 октября 1924 г. // Сборник документов по истории

уголовного законодательства СССР и РСФСР, 1917-1952 гг. / под ред. И.Т. Голякова. М., 1953. С.199-207

Пропостин А.А. Конфискация имущества: прошлое, настоящее, будущее: монография. Москва: Юрлитинформ, 2011. 264 с.

Синицын Ф.Л. Советское государство и кочевники. История, политика, население. 1917-1991. Москва: Центрполиграф, 2019. 318 с.

Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918-1939. Документы и материалы. В 4-х т. / Т.2. 1923-1929 / Под ред. А.Береловича, В.Данилова. Москва: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. 1168 с.

Советская степь. 1928. №203. 5 сентября.

Трагедия казахского аула. 1928-1934. Том 1. 1928 - апрель 1929. [сост. А.С. Зулкашева [и др.]. Алматы: Раритет, 2013. 743 с.

Трагедия казахского аула. 1928–1934 гг.: Сборник документов/ Сост. А.С. Зулкашева (отв.), Г.Т. Исахан, Ж.А. Сатаева. Алматы: Раритет, 2018.

Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939. Документы и материалы. В 5-ти тт. / Т.1. Май 1927 - ноябрь 1929 / Под ред. В.Данилова, Р.Маннинг, Л.Виолы. Москва: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. 880 с.

Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939: Документы и материалы. В 5-ти тт. / Т.2. 1934-1936 / Под ред. В.Данилова, Р.Маннинг, Л.Виолы. Москва: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. 927 с.

Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939: Документы и материалы. В 5-ти тт. Т. 3. Конец 1930-1933. М.: РОССПЭН, 2001. 811 с.

References

Abylhozhin ZH.B. Tradicionnaya struktura Kazakhstana. Social'no-ekonomicheskie aspekty funkcionirovaniya i transformacii (1920-1930 gg.) [Traditional structure of Kazakhstan. Socio-economic aspects of functioning and transformation (1920-1930)]. Alma-Ata: «Fylm», 1991. 240 s.

Abylhozhin ZH.B. Ocherki social'no-ekonomicheskoy istorii Kazakhstana. XX vek [Essays on the socio-economic history of Kazakhstan. XX century]. Almaty: Turan, 1997. 360 s.

Abylhozhin ZH.B. Stalinizm i nomadizm: k voprosu o silovoj politike sedentarizacii v Kazakhstane 1920-h nachale 1930-h godov [Stalinism and nomadism: in the question of the power policy of sedentarization in Kazakhstan in the 1920s- early 1930s] // Fenomen kочеvничества v istorii Evrazii. Nomadizm i razvitie gosudarstva. Almaty: Dajk-Press, 2007. S. 112-132

Atabaev K. Klassovaya bor'ba i likvidaciya kulachestva i bajstva kak klassa v Kazakhstane v gody kollektivizacii (1929-1934 gg.) [The class struggle and the liquidation of the kulaks and baists as a class in Kazakhstan during the years of collectivization (1929-1934)]. Alma-Ata, 1981. 201 с.

Viola L. Krest'yanskij bunt v epohu Stalina. Kollektivizaciya i kul'tura krest'yanskogo soprotivleniya [Peasant revolt in the era of Stalin. Collectivization and the culture of peasant resistance]. Moskva: ROSSPEN, 2010. 367 s.

Grozin A. V. Golod 1932–1933 godov i politika pamyati v Respublike Kazahstan / Institut vostokovedeniya RAN [The famine of 1932-1933 and the politics of memory in the Republic of Kazakhstan]. Moskva: IV RAN, 2014. 178 s.

Dahshlejger G.V. K karakteristike social'no-ekonomicheskikh otnoshenij v kazahskom aule (1921-1928 gg.) [To the characteristics of socio-economic relations in the Kazakh village (1921-1928)]. Moskva: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1961. 56 s.

Dahshlejger G.V. Social'no-ekonomicheskie preobrazovaniya v aule i derevne Kazakhstana (1921-1929 gg.) [Socio-economic transformations in the aul and countryside of Kazakhstan (1921-1929)]. Alma-Ata: Nauka, 1965. 536 s.

Dahshlejger G.F. Iz opyta istorii osedaniya kazahskih kochevyh i polukochevyh hozyajstv [From the experience of the history of the settlement of Kazakh nomadic and semi-nomadic farms] // Sovetskaya etnografiya. 1966. № 4. S.3-23

Dahshlejger G.V., Nurpeisov K. Istoriya krest'yanstva Sovetskogo Kazakhstana [History of the peasantry of Soviet Kazakhstan]. Alma-Ata: Nauka, 1985. T.1. 247 c.

Zaklyucheniya komissii Prezidiuma Verhovnogo Soveta Respubliki Kazahstan po izucheniyu normativnyh pravovyh aktov privedshih k golodu vo vremya kollektivizatsii [Conclusions of the commission of the Presidium of the Supreme Council of the Republic of Kazakhstan in the study of regulatory legal acts that led to famine during collectivization] // Kazhstanskaya pravda. 1992. 22 dekabrya

Ivnickij N.A. Klassovaya bor'ba y derevne i likvidatsiya kulachestva kak klassa (1929-1932 gg.) [The class struggle in the countryside and the liquidation of the kulaks as a class (1929-1932)]. Moskva: Nauka, 1972. 361 s.

Istoriya Kazakhstana: narody i kul'tury: [History Kazakhstan: peoples and cultures] Uchebnoe posobie / Masanov I.E i dr. Almaty: Dajk-Press, 2000. 608 s.

Istoriya stalinskogo GULAGa. Konec 1920-h - pervaya polovina 1950-h godov. [History of Stalins Gulag. Late 1920s-first half of 1950s] Sobranie dokumentov v 7 tomah. Tom 5. Specpereseleniy v SSSR. M.: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN), 2004. 824 s.

Kindler P. Stalinskie kochevniki: Vlast' i golod v Kazahstane [Stalins nomads: Power and Hunger in Kazakhstan]. M., 2018. 382 s.

Kozybaev M.K., Aldazhumanov K.S., Abylhozhin ZH.B. Kollektivizatsiya v Kazahstane: tragediya krest'yanstva [Collectivization in Kazakhstan: the tragedy of the peasantry]. Alma-Ata, 1992. 35 c.

Kozlov A.P. Demograficheskij krizis v Kazahstane 1932-1933 gg.: uroki istorii i vyzovy sovremennosti [The demographic crisis in Kazakhstan in 1932-1933: the lessons of history and the challenges of our time] // Sovremennye issledovaniya social'nyh problem (elektronnyj nauchnyj zhurnal). №11 (19). 2012.

Kozlov A.P. Hlebozagotovitel'nyj krizis 1927/29 g. v Kazahstane i ego posledstviya [Grain procurement crisis of 1927/29 in Kazakhstan and its consequences] // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki Tambov: Gramota, 2013. № 7 (33): v 2-h ch. CH. II. C. 56-60.

Kozlov A.P. Raskulachivanie v Kazahstane: specifika, posledstviya (1928-1933 gg.) [Dekulakization in Kazakhstan: specificity, consequences (1928-1933)] // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2014. № 5 (43): v 3-h ch. CH. I. C. 109-113.

Nacional'nyj arhiv RK. F.2. Op.1.D.98. L.89-90

Ogajon I. Sedentarizatsiya kazahov SSSR pri Staline. Kollektivizatsiya i social'nye izmeneniya (1928-1945 gg.) [Sedentarization of Kazaks in the USSR under Stalin. Collectivization and social change (1928-1945)]. (Perevod s franc. A.T. Rakisheva). Sost. B.M. Suzhikov. Almaty: «Sanat», 2009. 368 s.

Omarbekov T. Golodomor v Kazahstane: prichiny, masshtaby i itogi (1930-1933 gg.) [Holodomor in Kazakhstan: causes, scale and results (1930-1933)]. Hrestomatiya. Almaty: «Kazak universiteti», 2011. 203 s.